

Семен Шпунгин

Бат-Ям, Израиль

ПОД КОСЫМИ ВЗГЛЯДАМИ КГБ

Впервые я попал в поле зрения чекистов на исходе войны, когда в 15 лет пришел в милицию на прописку. Меня отвели в отдельный кабинет, где двое в штатском учинили перекрестный допрос. Они допытывались, в какой немецкой разведшколе меня готовили, не допуская, что мальчишка мог чудом спастись из гетто. Железная логика: живой — значит, неспроста. К этому изначальному пятну в моей биографии, не считая памятной «пятой графы»¹, со временем, наверно, добавились и другие. Какие именно, не буду гадать. За долгие годы работы в журналистике я привлекал внимание «органов» по разным поводам. И всегда было ощущение, что на меня смотрят искоса. Даже в тех случаях, когда со мной обращались вполне корректно или с подчеркнутой вежливостью...

Как меня вербовали

По окончании факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова меня направили в Смоленск, в областную газету «Рабочий путь», где я обязан был отработать три года. Срок уже подходил к концу, и как раз в это время по заявке редакции меня аккредитовали на Всемирном фестивале молодежи и студентов, который должен был вот-вот открыться в Москве. Охваченный нетерпеливым ожиданием, я больше всего прочего мечтал увидеть израильтян. Хотелось узнать, какие они, чем дышат эти парни и девушки «оттуда», восполнить скудную информацию, прорывающуюся по радио сквозь грохот «глушилок».

И вот уже выписана командировка и куплен билет на поезд. За пару дней до отъезда иду себе по улице, как вдруг меня останавливают двое прохожих. Назвав мою фамилию и убедившись, что не ошиблись, они представляются сотрудниками Комитета госбезопасности... «Пройдемте, нам надо кое-что обсудить».

В областном управлении КГБ мне доходчиво объяснили, что всемирный фестиваль — важнейшее политическое событие. Но вместе с тем наплыв иностранцев таит опасность. Необходима бдительность, так как враждебные элементы способны на провокации. Поэтому органы безопасности из разных городов посылают на подмогу москвичам своих людей. Среди них будет и представитель Смоленска.

— Мы сочли нужным воспользоваться вашей командировкой, чтобы вы были на связи с этим человеком. От него получите в Москве конкретные поручения. Я наотрез отказался:

— Слово советского журналиста не менее полезно для Родины, чем ваша работа. Каждый должен заниматься своим делом. Любые побочные поручения будут мешать выполнению моей задачи. У меня нет ни времени, ни опыта, ни желания брать на себя чужие обязанности.

Кагешнишки не отступали, взывая к моей сознательности, гражданской совести и патриотизму. «Беседа» длилась довольно долго, пока меня не препроводили к начальнику управления. Это был мужчина лет 45-ти по фамилии Федоров, выше среднего роста, плотный, с нахрапистым норовом. Он начал с упрёка, едва сдерживая раздражение:

— Какой же вы журналист, если не хотите сотрудничать с нами?!.. А еще выпускник Московского университета...

Потом повысил голос и совсем сорвался на крик:

— Тоже мне нашелся герой!.. Мы вам покажем!... Думаете, нам не известно ваше прошлое в буржуазной Латвии? Вы состояли в Бетаре! Небось еще не забыли, что такое «Иргун цвай леуми»? (Национальная военная организация. — С. III).

Неплохо натасканный на сионизме, Федоров сыпал словечками и фразами на иврите. Было видно, что он хочет поразить меня своей заученной осведомленностью. В Даугавпилсе, втором по величине городе Латвии, откуда я родом, до прихода советской власти в 1940 г. действительно существовала молодежная организация Бетар, но детей туда не принимали. Иногда мы бегали туда слушать песни, смотреть строевые занятия и спортивные игры. Мне нравились форменные рубашки командиров, перетянутые портупеей.

— Вот что, — изрек начальник, — или вы принимаете наше предложение, или ваша поездка отменяется! Одно из двух.

Стало быть, прощай фестиваль! Обидно... Но тут мелькнула мысль: пусть считают, что сломили меня, пусть думают, что хотят. Главное — попасть в Москву. Как только меня осенило, я сделал вид, что напуган услышанными угрозами, и перестал возражать. Тон разговора сразу изменился. Мне рассказали, как поддерживать контакты с посланцем ГБ из Смоленска...

День открытия фестиваля наступил 28 июля 1957 г. Праздник привлек гостей из 131 страны. Центр Москвы сверкал чистотой. Подкрашенные дома, пестрота цветных транспарантов с одним и тем же лозунгом на разных языках: «За мир и дружбу». Запомнились шумные толпы на улицах, иностранцы с размалеванными лицами, их вызывающе броские одежды.

Забегая вперед, не могу не сказать, что на фестивале, который продолжался две недели, мне позволили присутствовать всего несколько дней. Но обо всем по порядку.

По вечерам я звонил в Смоленск стенографистке и диктовал сообщение в номер. Настал черед события, за которым я охотился. Календарный план, выданный журналистам, информировал, где и когда состоится встреча делегаций СССР и Израиля. Имея документ об аккредитации и нагрудный знак «Пресса», я мог самостоятельно явиться по указанному адресу, но предпочел поехать туда с советской делегацией. И скоро выяснилось, что поступил правильно. Иного пути не было.

Когда автобусы прибыли на место встречи, оказалось, что оно перенесено. Нам дали другой адрес, но и там нас никто не ждал. Мы петляли по городу, несколько раз меняя направление. Так выглядела операция по заматыванию следов, придуманная для того, чтобы оградить «засекреченное мероприятие» от московских евреев.

Наконец, мы у цели и видим израильтян... на улице! Они выстроились по бокам длинных ступеней, по которым мы поднимаемся к дверям некоего клуба. Нас встречают радостными возгласами, цветами, объятиями.

Внутри помещения, перед тем как войти в зал, советская делегация обступила своего руководителя. Он провел короткий инструктаж: занимать места только вместе, обособленно, да поменьше разговаривать с чужими!

Я, конечно, подсел к израильтянам и общался с ними на ломаном иврите, вспоминая знакомые с детства слова. Меня удивило, что гости были слабо осведомлены о положении евреев в СССР и о том, как здесь препятствуют пробуждению их национального самосознания.

Вслед за торжественной церемонией, когда со сцены отзвучали приветственные речи, состоялся концерт с участием обеих сторон.

Израильская делегация была смешанной. Она состояла из сионистов и коммунистов (евреев и арабов), которые явно не ладили друг с другом. Так, препирательство между ними сорвало исполнение гимна «Атиква»².

Во время перерыва в клубном фойе ко мне подошел человек, обративший внимание на знак «Пресса». Озираясь, он шепотом спросил:

— Скажите, а которые тут сионисты?

— Да вот же они! — указал я любопытствующему на толпившихся рядом молодых активистов Компартии Израиля...

Очередной звонок в газету. Стенографистка на другом конце провода зачитывает мне телефонограмму от редактора В. Медведева: «Немедленно возвращаетесь утреним поездом по служебной необходимости».

Кто стоит за этим распоряжением, не приходилось сомневаться. Но почему? За что меня отзывают? Засекли на «самовольном» общении с израильтянами? Или потому, что не вышел на связь с гебистом?

Как и следовало ожидать, в редакции не случилось ничего особенного. Ничего такого, что срочно требовало моего присутствия. Привычные будни. Рутинка. Не успел втянуться в работу, как меня вызвали в КГБ.

— Ну, рассказывайте, — обратились ко мне, — что вы там видели на фестивале? Было что-нибудь достойное нашего внимания?

— Конечно! — ответил я и стал серьезно рассказывать о «возмутительном факте».

На моих глазах молодую блондинку, прогуливавшуюся возле гостиницы «Москва», повел к себе в номер корреспондент египетской газеты «Аль-Гумхурия»!

Хотел было еще добавить некоторые подробности, но меня не дослушали. Передо мной положили на подпись бумагу. Текст расписки помню дословно: «Обязуюсь нигде, никогда и ни при каких обстоятельствах не разглашать разовое задание органов госбезопасности». Так закончилась моя наивная попытка перехитрить всесильное ведомство.

На страже секретов полишинеля

В сентябре 1957 г. я уехал в Ригу. Латвийское телеграфное агентство, куда меня приняли на должность корреспондента, было частью единой информационной системы страны и работало на правах отделения ТАСС.

У каждого журналиста были свои обязанности. Мне довелось заниматься освещением новостей науки. Поиску во многом способствовали связи, которыми я обзавелся в академических институтах, на кафедрах вузов и т. д. Писать приходилось о разном — и о безвредных вирусах, начисто уничтожающих раковые опухоли у животных, и об экспериментах в области магнитной гидродинамики,

позволяющих получать сплавы из несовместимых металлов, и даже о следах кометы Галлея, запечатленных в латышском фольклоре.

Моей задачей было находить темы, представляющие познавательный интерес, и излагать их понятным языком, не допуская профанации.

Порой возникали сложности в отношениях с цензорами Главлита³. Их инструкции обязывали журналиста, сдававшего материал на научную тему, предъявлять оформленный по всем правилам акт экспертизы. Это занимало много времени и отвлекало от работы. Обходить помеху мне помогала уловка. Я готовил своего рода «типовую справку» о том, что конкретная информация (вносилось ее условное название) «не содержит каких-либо сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати». Подпись руководителя, отвечающего за проводимые исследования, зачастую устраивала бюстистелей государственных секретов.

Одно мое сообщение, появившееся на страницах газет, вызвало переполох. В нем шла речь о композитном материале с целым набором необычных свойств — разработке Института механики полимеров. Описывая новинку, я, конечно, не вдавался в технологию ее получения. Но оказалось, что это был заказ космической промышленности и тема вообще не подлежала огласке. У директора института А. Малмейстера были большие неприятности «в соответствующей инстанции».

— Как вы посмели писать об этом?! Кто вам разрешил? — кипел он, изливая свою ярость по телефону. — Все! Можете паковать чемодан! Вас уже ждут в угловом доме! (Так называли здание КГБ в Риге на пересечении теперешних улиц Стабу и Бривибас. — С. III.)

Происшествие лишний раз доказывало, что Главлит и КГБ — две стороны одной медали. Обе инстанции, каждая по-своему, присматривали за средствами массовой информации. Что касается злополучного сообщения, меня спасла «типовая справка». Ее заблаговременно подписал заместитель директора института. Скандал замяли.

Цензура иногда вела себя непредсказуемо. Кто бы мог подумать, что ее настождат опыты латвийских орнитологов и возникнет опасение «как бы чего не вышло»? Ученых занимала вечная загадка навигации пернатых. Предположив, что аисты ориентируются по азимуту Солнца, подросших птенцов изолировали до начала осенней миграции, а на волю выпустили с определенной задержкой. Все было очень наглядно. Если расчеты верны, то окольцованные молодые птицы, в отличие от старых, полетят не на юг, в сторону Африки, а на запад! Об этом загода оповестили работников орнитологических станций европейских стран. И вскоре от них поступили ожидаемые подтверждения!

Разумеется, я не мог упустить такую изюминку. Но мою корреспонденцию заблокировал Главлит. «Типовая справка» не помогла. Мне ясно сказали: «Только с разрешения Министерства сельского хозяйства СССР и только с актом экспертизы!»

Спустя пару месяцев, когда меня командировали в Москву, я отнес материал в министерство. Там его рассмотрел экспертный совет и принял категорическое решение — запретить публикацию. Мое удивление «развеел» один из членов совета:

— Неужели непонятно? Управляемая миграция птиц может стать оружием в руках ЦРУ! С ее помощью американцы вполне могут наслать на наши поля колорадских жуков и прочих вредителей...

Неважно, что результат уже был известен за границей. Лучше переусердствовать, чем недосмотреть! Такова логика чиновников, которым повсюду мерещился риск.

Нечто похожее я обнаружил в Институте биологии Академии наук республики. Здесь бросалась в глаза комната с дверями, обитыми жостью, опечатанными и запертыми на несколько замков. Ее назначение открыла мне в конфиденциальном разговоре заместитель директора института Г. Сабардина. Особо охраняемую комнату устроили по настоянию так называемых кураторов КГБ. Сюда надлежало помещать любые карты местности больше установленного масштаба. Их засекретили. Под это требование подпадала единственная уцелевшая ботаническая карта Латвии, составленная еще «при буржуазном строе». И сейчас пользоваться ею могли только сотрудники с допуском, хотя идентичные карты имелись в библиотеках многих стран, включая библиотеку Конгресса США.

Я рассказал про эту нелепую «тайну» президенту академии Я. Пейве, будущему председателю Совета национальностей Верховного Совета СССР. Свою реакцию он выразил в поведенной мне байке.

Курьера с депешей отправили поездом на сверхсекретный атомный объект. Вместо адреса ему дали конверты, вложенные один в другой, как матрешки. В каждом конверте была обозначена железнодорожная станция, на которой надо распечатать следующий. Последний конверт содержал указание покинуть поезд и отыскать в незнакомом городе ориентир — заброшенную мельницу. Рядом с нею находилось большое здание без окон. Это и был необходимый объект.

Но курьер... заблудился и вынужден был спросить, где эта мельница, у встреченной старушки.

— Как раз супротив атомки, сынок! — подсказала она. — Вон за тем домом повернешь направо, пойдешь до конца улицы и увидишь!

Пропавшие свидетели

Это было в начале шестидесятых. В мою рижскую квартиру нагрянул человек, предъявивший удостоверение КГБ. Он был среднего роста, с глубокой залысиной и в очках. Непрошеного гостя назову Очкариком. Он затеял общий разговор, не сказав ничего вразумительного о цели своего прихода. Все кружил вокруг да около. На вопрос, зачем пожаловал, ответил: «Для знакомства». Ощущая себя хозяином положения, расхаживал по комнате, бесцеремонно снимал с полки книги, перелистывал их, брал в руки и рассматривал предметы, лежавшие на моем столе. Казалось, он чего-то недоговаривает, «прошупывает» меня, приглядывается.

В облике визитера смутно улавливались еврейские черты, хотя впечатление могло быть обманчивым. Я не сомневался, что в любом случае он из «еврейского отдела».

Через какое-то время меня вызвали в «угловой дом». Повод был непонятным. В скромно обставленном кабинете с большим портретом Дзержинского находились несколько мужчин и женщина.

— Мы знаем, что в Даугавпилсе вы спаслись из гетто, где погибли ваши родители, — обратились ко мне. — Поделитесь, пожалуйста, своими воспоминаниями.

— Как, прямо сейчас? — не понял я. — У вас так много времени слушать?

— Да, вот наша машинистка, она будет записывать.

Я успел рассказать только один эпизод, и, когда кончилась страница, меня остановили.

— Этого вполне достаточно, спасибо!

— ???

— Да, хватит, вы оказали нам большую услугу...

Простившись, я направился к выходу. И у самых дверей меня настиг вопрос вдогонку:

— Извините, чуть не забыли: вам случайно не знакомы такие фамилии — Табберт и Шилле?

— Нет, не знакомы.

— Ну и ладно. Еще раз спасибо! Всего доброго!

Подоплеку неуклюже разыгранной сцены я узнал помимо КГБ. Как выяснилось, меня вызвали только для того, чтобы задать «случайный» вопрос о фамилиях. С ними связана следующая история.

В германском городе Дортмунде возбудили дело против бывшего оберштурмфюрера СС Г. Табберта и другого эсэсовского чина Э. Шилле, которые в разные сроки возглавляли отделение зихерхайдсполицай (полиции безопасности) в оккупированном нацистами Даугавпилсе. Под их руководством планировались и проводились все акции в гетто — начиная с так называемых селекций и кончая рытьем погребальных рвов и расстрелами.

Всемирный еврейский конгресс передал немецкой прокуратуре список свидетелей. В нем фигурировали Соломон Ляк, Абрам Магид и еще несколько бывших узников гетто, включая меня и женщину по фамилии Вовси. Едва ли кто-нибудь из этой группы знал в лицо того и другого начальника зихерхайдсполицай, но все мы видели и пережили то, что творилось в нашем гетто.

Примечательно, что Советский Союз впервые согласился выпустить своих граждан для дачи показаний за границей. Правда, с маленькой оговоркой. Из списка были вычеркнуты две фамилии — моя и Вовси. Из Дортмунда тут же пришел запрос. Ответили: «Не удалось найти, адреса неизвестны».

Мои друзья, получившие разрешение на поездку в Германию, конечно, не утаили от меня беседы с каждым из них в КГБ. Им строго-настрого запретили говорить о знакомстве с недостающими свидетелями. Нету таких!

Мне по секрету показали официальные приглашения из немецкой прокуратуры. В них была сноска: «Если вы знаете адреса жителей Риги Вовси и журналиста Шпунгина, просим срочно сообщить посольству ФРГ в Москве или непосредственно окружному (земельному) суду в Дортмунде».

Почему нас обоих исключили из группы? Меня, возможно, потому, что «органы» по каким-то своим соображениям не питали ко мне доверия, а родственнику однофамильцу — профессору М. Вовси, проходившего по «делу врачей», — чтобы лишний раз не напоминать о сталинских репрессиях. Так мне кажется.

Но вот парадокс: КГБ объявил «пропавшим» журналиста, чьи корреспонденции в это время печатались в советских и зарубежных газетах. Большинство моих публикаций не были анонимными. Под ними стояла моя фамилия с припиской «корр. ТАСС».

На моем горизонте вдруг снова появился Очкарик. Теперь он дотошно интересовался, каким образом про меня стало известно Всемирному еврейскому конгрессу.

— Вам виднее, — сказал я. — Вы на то и существуете, чтобы все узнавать.

Он обвинял меня в неискренности, сокрытии правды, даже припугнул, что сообщит по месту моей работы...

Затем была еще одна встреча с ним, не менее странная, чем предыдущие. Сотруднику КГБ, скорее всего из «еврейского отдела», почему-то важно было услышать мое мнение... о монографии “*Kas ir Daugavas vanagi*” («Кто такие “Ястребы Даугавы”»). Книга, переданная мне «в подарок», подвергла разному анализу латвийских эмигрантов в Швеции⁴. Но Очкарик, должно быть, забыл об этом и больше меня не беспокоил.

А бывшие узники гетто, которым позволили выступить свидетелями в Дортмунде, побывали там дважды — на следствии и на суде.

Аудиенция у генерала КГБ

Хотя по долгу службы в агентстве я следил в основном за научными новостями, ничто не мешало мне при желании взяться и за любую другую тему. Вот один из таких случаев, имеющий прямое отношение к этим заметкам. В октябре 1965 г. все рижские газеты публиковали фотографии и репортажи о судебном процессе, проходившем во Дворце культуры завода «ВЭФ». На скамье подсудимых — разоблаченные каратели. Это они в 1942 г. сожгли дотла деревню Аудрини⁵ Резекненского уезда Латвии и расстреляли большинство ее жителей от мала до велика — за укрывательство беглеца из лагеря военнопленных и связь с партизанами.

Я решил написать об этом для зарубежных каналов ТАСС. Получив «добро» из Москвы, набираю коммутатор КГБ, чтобы выяснить, как можно ознакомиться с материалами следствия и обвинительным заключением. Меня соединили с ответственным сотрудником. Тот попросил меня назвать фамилию, должность и номер служебного телефона. Обещал позвонить «завтра утром».

На следующий день узнаю ответ:

— Мы не будем знакомить вас с материалами процесса.

— Но это задание ТАСС! — пытаюсь я вставить слово.

— Повторяю, ваша просьба отклонена, вам отказано.

Что ж, спорить, «качать права» перед КГБ бессмысленно. Остается лишь известить ГРИДЗ — Главную редакцию информации для заграницы. Звоню в Москву. Слышу голос О. Незлобина, одного из редакторов, интеллектуала и эрудита, уважаемого в кругу журналистов. Объясняю ему причину, по которой снимаю свою заявку.

— Не торопитесь, Семен, — говорит он. — Малость подождите. Я сегодня же свяжусь с вами.

Часа через два, не более, — звонок из Москвы. О. Незлобин сообщает:

— Можете идти в КГБ, все в порядке.

— Но, Олег Николаевич, меня не допускают...

— Вопрос решен. Обращайтесь от имени ТАСС. Допустят.

И впрямь, ситуация изменилась как по мановению волшебной палочки. В КГБ меня снабдили материалами процесса и дали к ним пояснения. Я собрал все необходимые сведения, сделал выписки и, возвратившись в редакцию, сел за работу.

...Ее завершение представляю себе во всей красе: опустошенная пачка папирос «Беломорканал» да пепельница, полная окурков. Перед глазами — исписанные косыми строками листы со многими помарками поверх зачеркнутых слов. Меня, как всегда, выручили терпеливые труженицы машбюро, умевшие разбирать мой корявый почерк.

Но я отвлекся. Отпечатанный текст еще предстояло согласовать и завизировать в КГБ. Я не предполагал, что с этой историей связана новая интрига.

Меня направили к начальнику отдела в чине майора, чья фамилия, помнится, содержала корневое слово «дуб». Посему буду его условно называть Дубенко. Передо мной был рослый человек с военной выправкой. Он не считал нужным скрывать свою неприязнь ко мне.

— А почему, собственно, вы... — начал он, с трудом подбирая слова. — Почему вы занимаетесь... этим делом?

— Я выполняю задание ТАСС.

— У вас там что... не было других журналистов?

Я смолчал, подумав, что именно от него исходил запрет, и теперь он никак не может смириться с тем, что я «пролез» в авторы корреспонденции. Его невысказанный вопрос, казалось, выпирал наружу: «Какими путями этот настырный еврей все-таки добился своего?»

Он вчитывался в мою статью медленно и въедливо, цеплялся то к стилю, то к смыслу отдельных фраз, а я отстаивал свою правоту. Но один абзац гебешный начальник целиком забраковал, потребовав переписать заново. Из путаных претензий нельзя было понять, чего он хочет. Явная прихоть, придирка на ровном месте вывела меня из себя, и я дерзко выпалил:

— Вашим рассуждениям недостает элементарной логики и здравомыслия!

Накалившуюся «беседу» перебил телефонный звонок. Майор снял трубку и шумно вскочил со стула. Вытянувшись во фрунт, он отрывисто чеканил: «Есть!.. Так точно!.. Слушаюсь!.. Есть!..»

— Нас приглашает к себе генерал, — кивнул он, положив трубку. Мы поднялись на один из верхних этажей и, миновав приемную, где я оставил свой плащ, очутились в просторном кабинете. Председатель КГБ Латвийской ССР Л. Авдюкевич восседал во главе длинного Т-образного стола, обитого зеленой тканью. Он тут же встал и поспешил нам навстречу. Пожав мне руку, генерал сказал:

— Я должен принести извинения за то, что сначала вас не допустили к материалам процесса. Наши работники иногда перегибают палку. Я получил распоряжение уладить недоразумение от начальника группы референтов КГБ СССР генерала Белоконя. Присаживайтесь, пожалуйста!

Мы с Дубенко заняли места по разные стороны стола. Авдюкевич попросил меня читать вслух. Он не прерывал. Дойдя до того абзаца, к которому Дубенко особенно придирался, я обратил на это внимание генерала. Шеф КГБ обронил:

— Ничего не меняйте! Все правильно. Продолжайте.

Майор сидел, понутив голову, и не вымолвил ни слова. Когда я дочитал до конца, генерал отметил, что у него нет никаких замечаний, и завизировал материал.

Дальше происходит нечто забавное. В ту минуту, когда я в сопровождении Дубенко выхожу из кабинета генерала, в приемную входит... Очкарик собственной персоной! Он останавливается от неожиданности и с недоумением наблюдает за тем, как майор снимает с вешалки мой плащ и услужливо помогает мне его надеть. Лицо моего «старого знакомого» выражает растерянность. Надо было видеть эту немую сцену!

Алло, говорит Высоцкий

В сентябре 1974 г. в столице Латвии проходили гастролы Московского театра на Таганке. Среди артистов труппы не было Владимира Высоцкого. Его приезда ожидали со дня на день. Рижане раскупили все билеты. Царил ажиотаж.

Было солнечное осеннее утро, когда в редакции на моем столе зазвонил телефон.

— Здравствуйте, вы Семен Шпунгин?

— Да, я слушаю.

— С вами говорит Высоцкий... (пауза)... из Комитета госбезопасности. Вы могли бы сейчас прийти к нам? Есть вопросы...

Поняв, что это совпадение фамилий, а не розыгрыш, я ответил, что очень занят и освобожусь лишь в четыре часа пополудни. На том и договорились. По правде сказать, у меня не было ничего срочного, просто хотелось отдалить неприятную встречу, а заодно показать свою независимость.

В бюро пропусков за мной пришел сотрудник Высоцкий и повел в свой кабинет. Мы уселись — он за своим столом, я напротив — и начали... делиться впечатлениями о первых спектаклях москвичей. Потом перешли к выдающимся талантам Владимира Высоцкого, обменялись мнениями и о репертуаре Рижского театра русской драмы.

— Вы разве меня не знаете? — спросил мой визави, прервав непринужденную беседу.

— Нет, вижу впервые.

— А я вас хорошо знаю, часто видел. Когда бывают большие научные конференции, съезды или симпозиумы, вы всегда заходите в комнату, где собирается президиум. Так вот, я раньше служил в охране руководства республики и лишь недавно переведен в другой отдел.

Действительно, в подобных случаях я всматривался в лица членов президиума, чтобы, упаси Бог, не проморгать никого из тех, кто значился в особом списке высшей номенклатуры. Их присутствие следовало отметить в любом газетном отчете или репортаже. Этот список у нас в редакции называли «поминальником».

— Так какие же у вас ко мне вопросы, — наконец полубопытствовал я. — Что вас интересует?

— Ваши связи...

— Какие связи?

— Кто-нибудь из ваших знакомых хранит дома оружие?

— Простите? Я вас не понял.

— Вы знаете такого Лепехина?

Сообразив, в чем дело, и мгновенно вычислив, кто мог наступать, я сходу парировал вопросом на вопрос:

— А вы знаете такого Картиныша? (фамилия изменена. — С. Ш.)

Высоцкий улыбнулся. Тут придется сделать отступление. В штат журналистов нашего агентства невесть каким образом попал выходец из Азербайджана Лепехин, колоритная личность, авантюрист по натуре. Высокий, поджарый, со шрамом на лице, как у Скорцени, он уверял, что в прошлом работал в советской разведке «на иранском направлении». Была у него необыкновенная способность — доставать товары, которые не доходили до прилавков магазинов. Во времена тотального дефицита, что греха таить, многие из нас использовали свое служебное положение. Но Лепехин делал это открыто, беззастенчиво, у всех на виду обзванивая торговые точки и даже заводы. Он бравировал своими удачами.

Как-то раз в редакции на перекуре зашла речь о «подвигах» Лепехина и журналисты вспоминали всякие связанные с ним истории. Я тогда рассказал, как встретил его в рижском микрорайоне Пурвциемс, и оказалось, что мы соседи. Лепехин пригласил меня на чашку чая. У него в квартире висела на стене винтовка, которую он назвал «именным оружием разведчика».

Я был абсолютно уверен, что об этом сообщил «куда надо» редактор Эдик Картиныш, один из участников перекура, уже ранее замеченный в доносительстве. Впрочем, он не скрывал, что является офицером запаса войск КГБ.

Итак, Высоцкий раскрыл свои карты. Мы разговаривали о Лепехине. И я старался выгородить незадачливого коллегу:

— Неужели у вас нет более важных дел, чем эта чепуха? Ну, висит там какое-то охотничье ружье, ну и что? Лепехин — чудак, выдумщик, фантазер. Он не представляет никакой социальной опасности!

Похоже, Высоцкий ухватился за эти слова. Он попросил изложить мое мнение письменно, «дабы знать, как реагировать, если поступят другие сигналы». Выполнить сию просьбу не стоило труда.

Вызов в КГБ, напомнивший о том, что и стены имеют уши, закончился конфузом. В лифте «углового дома» я нажал не на ту кнопку и опустился ниже первого этажа. Запах сырости, тусклое освещение. Я сообразил, что это тот самый подвал следственного изолятора, где, по слухам, когда-то находились расстрельные камеры. В полумраке возник силуэт человека:

— Вы куда направились?

— К выходу на улицу.

— Отсюда так быстро не выходят...

Оценив иронию невидимки, я поспешно вернулся в лифт.

П о с л е с л о в и е

За время моей работы в Латвийском телеграфном агентстве сменилось пять или шесть директоров. Последним из них до крушения СССР был З. Осман, типичный партийный функционер, занимавший ранее пост заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Латвии. Человек незлобивый, он был большим любителем горячительного, хотя на службе его никогда не видели нетрезвым.

Но однажды по случаю юбилея агентства состоялся банкет, и тут директор не устоял... В изрядном подпитии он отвел меня в сторону и произнес:

— Семен, Семен... Ты думаешь, мне не звонили?... Еще как звонили!..

Эти несвязные слова зацепились в моей памяти. Я вспомнил о них много лет спустя.

Осман скончался, когда в Латвии уже была восстановлена независимость. Я был на его похоронах. Одинокого пенсионера проводили в последний путь несколько журналистов, и в их числе был Ю. Митин, бывший заместитель директора агентства. Я спросил его, может ли он объяснить, на что намекал наш шеф тогда на банкете? И вот ответ:

— Теперь уже можно обо всем рассказать. Осман однозначно имел в виду кураторов из КГБ. Они не только звонили, но и приходили, чтобы узнать, способен ли Шпунгин передавать секретные сведения за границу, используя коммуникационную технику агентства. Мы уверяли, что это исключено. Пришлось даже показать им аппаратную, где телетайпы обеспечивали связь с редакциями ТАСС, газет, радио и телевидения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Пятая графа», или «пятый пункт», — в «Листке по учету кадров», заполнявшемся всеми поступавшими на работу на предприятия или в учреждения СССР, содержал сведения о национальности. — *Ред.*

- ² «Атиква» (также «Хатиква», «Гатиква» — ивр. «Надежда») — песня, ставшая в конце XIX в. гимном сионистского движения, а впоследствии — Государства Израиль. — *Ред.*
- ³ Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств, созданное в составе Народного комиссариата просвещения РСФСР в 1922 г.; впоследствии находилось в подчинении других ведомств. Осуществляло цензуру печатных произведений и защиту государственных секретов в средствах массовой информации вплоть до 1991 г. Под контролем этого органа находились также выставки, публичные лекции, букинистические магазины. — *Ред.*
- ⁴ «Даугавас ванаги» («Ястребы Даугавы») — латышская общественно-политическая организация в эмиграции, основанная в 1945 г. в Бельгии бывшими военными довоенной латвийской армии и латышских формирований, созданных нацистами. С 1990 г. ее отделение действует и в Латвии. — *Ред.*
- ⁵ Аудрини — деревня в Резекненском уезде, в 13 км от города Резекне (Режицы), жители которой были уничтожены 2—4 января 1942 г. за то, что скрывали пятерых раненых красноармейцев и одного бывшего работника милиции, обеспечивали их продовольствием, медикаментами, оружием и помогли создать партизанскую группу. 18 и 21 декабря 1941 г. в Аудрини и соседнем лесу между партизанами и полицейскими произошло вооруженное столкновение, в котором полицейские потерпели поражение. По приказу командира немецкой полиции безопасности Штрауха были арестованы 200 жителей Аудрини (61 мужчина, 88 женщин и 51 ребенок). 2 января 1942 года большую их часть расстреляли в Анчупанских холмах, а 4 января на базарной площади в Резекне публично были расстреляны 30 аудринских мужчин и 12-летний мальчик В. Глушнев. Деревня Аудрини была разграблена и сожжена. — *Ред.*